

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

И87

Sean Easley

THE HOTEL BETWEEN

Печатается с разрешения Simon & Schuster Books For Young Readers,
an Imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or
transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical,
including photocopying, recording or by any information storage
and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Дизайн обложки *Василия Половцева*

Исли, Шон.

И87

Отель «Странник» : роман / Шон Исли ; пер. с англ. А. Дубининой. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Дом секретов).

ISBN 978-5-17-113960-5

Двойняшек Кэмерона и Кэсс воспитывает бабушка: их мама умерла, а папа пропал. Сейчас Кэму тринадцать лет, и его главная мечта – найти отца, на память о котором остался один только загадочный талисман.

Но мальчик никак не ожидал увидеть изображение со своего талисмана на дверях таинственного отеля, невесть откуда взявшегося в их тихом городке.

Теперь Кэм уверен, что его отец как-то связан со «Странником», а может, даже исчез в одной из его волшебных комнат.

Отель полон опасных секретов. И если гость не будет осторожен, его путешествие закончится, даже не начавшись...

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

Text copyright © 2018 by Sean Easley
Jacket illustrations copyright © 2018 by Petur Antonsson
© А. Дубинина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-113960-5

*Посвящаю Лиззи и Бекке
и их будущим странствиям;
И, конечно, Шелли и странствиям,
которые она дарит мне.*

**Отель
«Странник»**

1

Здесь, там и повсюду

Похоже, я буду сидеть в этом проклятом шкафчике до самой смерти.

Я смотрю на свет, льющийся снаружи сквозь дверную щель, и не переставая ругаю себя за то, что так глупо попался. К тому же в последний учебный день перед зимними каникулами. Когда остальные вернутся после рождественских праздников, они очень удивятся, если в школьном шкафчике, так похожем на гроб, обнаружится моя иссохшая мумия с пакетиком конфет «скиттлз» в кармане.

А ведь сперва казалось, что я нашел идеальное место для той чертовой игры в прятки... Но через час, проведенный взаперти в ожидании, пока другие учительские дети меня наконец обнаружат, мое мнение сильно изменилось. Игра закончилась. Хватит с меня.

Я снова тоскливо откинулся затылком на заднюю стенку шкафчика, водя скрюченным пальцем по своему карандашному рисунку дерева на дверце. Мне казалось, что я почти слышу шорох его листвы — такой же отчетливый, как в моих снах последних дней. Это то самое дерево, которое вырезано на деревянной монетке, висящей на шнурке у меня на шее. Папиной монетке. Может, она и не спасет меня, не поможет выбраться из-под замка, но все равно эта единственная вещь, которую оставил мне папа перед тем, как исчезнуть, всегда внушала мне уверенность и от-

вагу. Пока она со мной, остается надежда, что я сам никуда не исчезну.

Шаги. Звук шагов. Какой-то святой, посланный небесами освободить меня, идет по коридору к классу социологии, и за спиной его не иначе как колышутся сияющие крылья, а рука сжимает посох спасения.

— Кэмерон? — звучит в тишине знакомый голос. Это Ба. То есть моя бабушка. Слава таинственной магии ее ловца снов, это она, а не кто-нибудь незнакомый.

— Выпусти меня отсюда, пожалуйста!

Она наклоняется к шкафчику, и я могу разглядеть ее сквозь решетку вентиляции. Никаких там крыльев и посохов... Просто Ба, которая на протяжении всей моей жизни — и жизни моей сестры-близняшки — выполняла для нас роли мамы и папы.

— И как давно ты там сидишь? — спрашивает она со своим тягучим техасским акцентом.

Целую вечность, ничуть не меньше.

— Не знаю, — говорю я вслух. — Ты можешь меня выпустить?

— Кэмми, — она называет меня самым противным уменьшительным имечком на всей планете, — думаю, там изнутри должна быть защелка.

Да, конечно. Моя рука нащупывает щеколду в то же мгновение. Я бегаю по ней пальцами, ища, как ее отодвинуть, и нахожу язычок замка. Дверь открывается словно бы по волшебству, я выкатываюсь из шкафа и врезаюсь в Ба. Это похоже на объятие, и я быстро отстраняюсь. В наступающем году мне исполнится тринадцать... слишком солидный возраст, чтобы обниматься с собственной бабушкой в классе социологии.

— Извини, — бормочу я, хотя сам толком не понимаю, за что извиняюсь.

— Ты в порядке? — спрашивает она. Ба, как обычно, одета в штаны цвета хаки и блузку с цветами.

Я киваю. Я в самом деле... честно-честно не желаю это обсуждать — то, как все остальные участники затеянной мной игры вдруг решили наплевать на эту самую игру, а заодно и на меня.

— Я собираюсь еще немного задержаться в школе, — говорит Ба. — Сегодня работы чуть больше обычного.

Это неправда. Ба — замещающая учительница, она не работает на полную ставку со времени исчезновения папы, так что у нее нет никаких причин задерживаться в школе сверх должного. А от брошенного ею взгляда у меня в голове и подавно включается тревожная сигнализация.

Предполагалось, что сегодня Ба будет встречаться и разговаривать с лечащим врачом моей сестры. Должно быть, что-то пошло не так... в очередной раз.

— Почему бы тебе не пойти домой и не приготовить сестре ужин? — говорит Ба с улыбкой, но избегает смотреть мне в глаза. — Я сегодня вернусь поздно.

* * *

По дороге домой я чуть задержался, чтобы заглянуть в супермаркет «7-11» за апельсиновым мороженым. Сам факт, что в конце декабря я покупаю себе фруктовый лед, каким-то образом придает мне ощущения, что все под контролем. Моя сестренка Кэсс постоянно над этим подшучивает. «Никто на свете не ест фруктовый лед посреди зимы», — то и дело говорит она. Но в этом она ошибается.

Так же как она ошибается насчет папы. Он нас не бросал. Все было так, как говорит Ба: нашего отца кто-то похитил.

Я сквозь одежду ощупываю деревянный кружок, висящий на шнурке у меня на шее. У меня монетка — точно такая же, как и у Кэсс, за одним исключением: моя сверкает золотом, когда на нее падает свет, а ее всегда тусклая

и серая. Обычная деревяшка. Монетка сестры раньше принадлежала маме. Ба говорит, что она стала серой потому, что мама умерла. Из того, что мой талисман все еще яркий и блестящий, логично сделать вывод, что папа до сих пор жив.

Кэсс может сколько угодно возражать, но я в это верю. И однажды докажу ей, что был прав. Я найду отца и верну его домой, и все станет так, как должно быть. Просто... просто пока я еще не знаю, как это сделать.

Я обдумываю, не съесть ли мне свой фруктовый лед на улице, за столом для пикника, который стоит возле заправки, но вспоминаю, что в одной из ужасных образовательных телепрограмм, которые смотрит Кэсс, говорилось: слишком много сидеть вредно, от этого в крови образуются тромбы. В моем личном списке самых поганых способов расстаться с жизнью смерть от закупорки вен входит в первую десятку.

Вместо того чтобы присесть, я продолжил путь, не останавливаясь прошел через парковку позади супермаркета, по пути оглядываясь.

Торговый центр выглядел как-то иначе, чем обычно. Это единственное новое здание в нашем квартале, сначала оно планировалось как мини-пассаж, но за два года существования этих стеклянных витрин за ними не задержалось ни одного толкового магазина. А теперь ТЦ и вовсе превратился в город-призрак, по которому под дуновением ветра катаются урбанистические перекаати-поле из пластиковых пакетов.

Но сегодня мой взгляд сразу привлекла новая надпись на одной из дверей. Крупные буквы — да еще и с завитушками — ярко выделялись даже под нынешним сумрачным небом.

ОТЕЛЬ «СТРАННИК»

ГДЕ-ТО МЕЖДУ ЗДЕСЬ, ТАМ И ПОВСЮДУ

Надпись сделана на фоне огромного ветвистого дерева, причем оно расположено так, чтобы центр стеклянных дверей приходился как раз на середину его ствола. Эта вывеска кажется мне почти что слепящей, но в то же время приковывает взгляд, вместо того чтобы побуждать отвернуться. Я ничего не могу с собой поделать — стою и смотрю на эти двери. У прочих предприятий, пока еще выживающих в этой пустыне, вывески очень унылые, выгоревшие под солнцем пластиковые дощечки с надписью «Открыто» или наклеенные изнутри буквы, а двери этого Отеля сияют как новогодние конфетти.

А дерево, служащее фоном для надписи, кажется таким знакомым! Да, я определенно его знаю. Оно точно такое же, что нарисовано изнутри на дверце моего школьного шкафчика. А туда я его срисовал с монетки, которая висит у меня на шее. Как часто я ощупывал пальцами гравировку на деревянном кружке! И сколько раз — с двенадцати лет — это дерево являлось мне во снах... Как будто его присутствие значило для меня что-то особенное.

Я быстро подхожу и вглядываюсь сквозь эту стеклянную дверь, но не могу ничего рассмотреть. Наверное, отель еще не открылся. Я прижимаюсь лицом к стеклу, делая из ладоней экран, чтобы уличные фонари не бликовали, и тут...

БАМ-М-М!

Дверь резко открывается, ударя меня по носу. Моя голова с замерзшими внутри черепа мозгами гудит от удара о стекло и металл. Я отшатываюсь, в процессе уронив куда-то под ноги свое мороженое, и больно сажусь на задницу, ударившись копчиком о тротуар. Ощущение такое, будто мой нос от удара провалился куда-то внутрь головы. Ох, теперь у меня точно повреждены мозги, и я умру от кровоизлияния (номер 43 в моем списке самых поганых способов скончаться).

Сквозь стеклянную дверь на меня, сидящего на тротуаре и трущего переносицу, пялится человек. Я изо всех сил стараюсь не разреветься от боли, но сдерживать слезы не легче, чем собирать «лего-корабль» без схемы постройки.

Высокий мужчина распахивает дверь изнутри, обидно смеется и говорит какую-то фразу на незнакомом языке, протягивая мне сверху вниз руку помощи. Он совершенно лысый и одет в странную длинную хламиду в ярких желто-зеленых узорах, напоминающую о китайских геометрических головоломках с уроков математики. Я поднимаюсь с его помощью и понимаю, что мой, предположительно, сломанный нос находится где-то на уровне груди этого здоровяка.

Из-за его спины выглядывают еще двое человек: бородач в льняном костюме и женщина с лицом, полуприкрытым шарфом. Женщина, судя по интонации, извиняется передо мной за то, что меня сбил с ног Здоровяк-Головоломка, но я не могу разобрать ни слова. А Льняной Костюм тем временем выходит наружу, на парковку, и запрокидывает голову, вглядываясь в техасское небо.

Я снова разворачиваюсь к двери и вижу за стеклом... нечто невероятное. В глубину вестибюля убегает толстый ворсистый ковер, поднимаясь широкой полосой по извилистой лестнице. Лампочки в бронзовых светильниках — какие-то антикварные, словно времен Томаса Эдисона — изливают теплый свет. С потолка вестибюля свисает массивная люстра, украшенная длинными цепями хрусталиков, и маленькие радуги от них разлетаются по всему широкому пространству, наполняя его дымным нежным светом. Потолка я и вовсе не могу разглядеть: такой он высокий. А еще мне кажется, что из дверей пахнет ягодами черники.

Может, я от удара дверью потерял сознание и теперь грежу? Но разве во сне бывает так больно?

Я еще не успел привести свои мысли в порядок — и тут в дверях появляется четвертая персона. Он оттирает меня в сторону со словами: «Позвольте, сэр!» — и закрывает дверь у себя за спиной, и с ее закрытием все великолепии, которое светилось изнутри, исчезает.

Зато я ясно могу разглядеть его самого. Это мальчик примерно моих лет. Кожа у него бронзовая, а одет он просто шикарно: в черный костюм с широкими отворотами пиджака. Бейджик на груди сообщает его имя: Нико. На руках у него белые перчатки. А еще у его пиджака сзади длинные фалды, как у фрака, а волосы зачесаны на одну сторону и блестят от геля. Единственный предмет его одежды, который не сверкает, — это пара черных кедров-конверсов.

Нико прислоняется к дверному косяку и обращается к остальным на языке, который я даже не могу распознать, но все это время не сводит с меня глаз. Когда он заканчивает свою речь, слушатели дружно смеются.

— Не волнуйся, — наконец говорит Нико мне на превосходном английском. — Я просто сказал им, что ты не из числа сотрудников Отеля. А кроме того, на сегодня мы не заказывали туров по городу. Хотя все равно спасибо, — он подмигивает.

Что-то я совсем ничего не понимаю.

— Что? — глупо переспрашиваю я.

Он еще что-то произносит, адресуясь к окружающим, и жестом приглашает их войти внутрь. Дверь открывается, и на меня снова изливаются теплый живой свет изнутри, волна черничного запаха и еще какой-то аромат, как от дров, горящих в камине, вдобавок с примесью карри.

Я заворуженно смотрю на хрустальную люстру в вестибюле — и замечаю в ней что-то крайне странное. Похоже, она свисает на цепях с очень высокого потолка, на уровне примерно третьего этажа, но ведь наш торговый центр — одноэтажный.